

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 84–96.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 84–96.

Научная статья

УДК 323.2(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/84-96>

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Алексей Юрьевич Мамычев^{1,2}, Андрей Юрьевич Мордовцев^{3,4},

Татьяна Васильевна Мордовцева⁵

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, mamyshev@yandex.ru

²Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

³Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия, aum.07@mail.ru

⁴Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия

⁵Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия, mtvtaganrog@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой научной статье выявляются и содержательно анализируются национально-ментальные «опоры» доверия населения к властным институтам и органам. В работе прослеживается филиация идей, определяющих становление концепции «менталитета» в западном гуманитарном дискурсе, определяются базовые, ментальные по своей природе, параметры моделирования и оценки механизма обеспечения доверительного отношения граждан к государственным структурам и их деятельности, тем более в условиях эскалации рискогенности и конфликтогенности в социально-политическом пространстве XXI в. Особое место в статье уделено особенностям ментальной зависимости авторитета государственной власти и доверия к ней социума в условиях имеющего место цифрового транзита, возникновения новых платформ и акторов властных отношений.

Ключевые слова: доверие, власть, менталитет, национальный характер, политико-правовые институты, население, политический процесс, цифровизация, политическая система, политические ценности, цифровой транзит.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований, № FZUG-2022-014.

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Мордовцева Т. В. Ментальные основания доверия к институтам государственной власти в российском социокультурном пространстве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 84–96. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/84-96>

Original article

THE MENTAL FOUNDATIONS OF TRUST IN THE INSTITUTIONS OF STATE POWER IN THE RUSSIAN SOCIO-CULTURAL SPACE

Alexey Yuryevich Mamychyev^{1,2}, Andrey Yuryevich Mordovtsev^{3,4},
Tatiana Vasilyevna Mordovtseva⁵

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mamychyev@yandex.ru

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

³Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia, aum.07@mail.ru

⁴Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

⁵Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia, mtvtaganrog@mail.ru

Abstract: The proposed scientific article identifies and meaningfully analyzes the national-mental pillars of public confidence in government institutions and bodies. The paper traces the filiation of ideas that determine the formation of the concept of mentality in Western humanitarian discourse, defines the basic, mental by nature parameters of modeling and evaluation of the mechanism for ensuring the trusting attitude of citizens to state structures and their activities, especially in the conditions of escalation of risk and conflict in the socio-political space of the XXI century. A special place in the article is given to the peculiarities of the mental dependence of the authority of state power and the trust of society in it in the conditions of digital transit, the emergence of new platforms and actors of power relations.

Keywords: trust, power, mentality, national character, political and legal institutions, population, political process, digitalization, political system, political values, digital transit.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research, № FZUG-2022-014.

For citation: Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu., Mordovtseva T. V. The mental foundations of trust in the institutions of state power in the Russian socio-cultural space // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 1. P. 84–96. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/84-96>

От «национального характера» к «национальному менталитету»: филиация идей

Обращение к вопросам «национального характера» в той или иной форме, в разных своих дискурсивных выражениях, всегда имело место в антропологических и этнологических исследованиях. Авторы последних стремились к выявлению оригинальных, свойственных тому или иному народу, нации, этносу гуманитарных практик вообще и конкретных их проявлений в частности (политических, юридических, экономических, религиозных и др.), адекватному пониманию своеобразия мира повседневности, включающего такие важные образования, как семья, брак, способы передачи первичных и иных умений, знаний, навыков, или, выражаясь профессионально, «трансляции культуры». Например, в африканском типе культуры и цивилизации вся базовая информация, своего рода «культурные коды», передается в рамках господствующей там «патриархальной» модели (от старшего поколения к младшему, от родителей к детям), а в азиатской версии – национальный характер, присущие ему ценностные и смысловые ориентации формируются, прежде всего, внутри страт, замкнутых коллективов, например индийских каст, в рамках которых и транслируется разного рода информация, включая и политические, и правовые, и религиозные, и социально-бытовые знания и умения. Не случайно, что здесь и сами знания, характер их трансляции весьма догматические, часто окружены ореолом «таинственности», «секретности» и т. п., что, разумеется, получило свое отражение и в национальном характере представителей азиатского мира, определило их отношение (в том числе и к власти, государственным структурам, государству в целом).

Национальные характеры европейских народов начинают формироваться в последних веках прошлой эры, в ходе все более и более отрывающейся от азиатского и иных типов греко-римской культуры (политической, правовой, позже – экономической и т. п.). В этом духовном пространстве трансляция культуры основана на открытом характере информации, время «великих посвященных» (Э. Шюре) проходит, и знания, умения, навыки уже может получить любой, кто, конечно, желает это сделать [1].

Открытый и доступный характер информации (в большом ее объеме, так как некоторые сакральные тайны еще естественным образом остаются) предполагает и невиданный для азиатского или африканского типа мышления и сознания способ ее обоснования, появляется принципиально новый тип *аргументации* (позже – доказатель-

ства), который уже не связан со ссылкой на авторитеты в политике, государственной власти, философии или искусстве, либо какие-либо родственные отношения.

Одним из надежнейших источников такого обоснования является толкование, комментирование текстов (законов, Священного писания, деятельности, выступлений политических лидеров, функционирования тех или иных государственных институтов и т. п.). За столетия развития западного типа цивилизации *экзегеза*, а позже *герменевтика* (представляющая собой уже не набор принятых интерпретационных техник, а искусство понимания и коммуникации) становятся основой осмысления и оценки мира, формирования критериев прогрессивности или, наоборот, регрессивности происходящего с отдельным человеком и обществом в целом, разумеется, и с государством, политической и правовой системой, явленных в конкретный исторический момент [2].

Конечно, при сохранении базовых характеристик западного типа национального характера к началу XXI в. уже выделяют некоторые «архетипические» характеристики представителей разных народов, определяющие их социальное бытие, включающее, разумеется, и их отношение к государственной власти, ее институтам и особенностям их работы. Так, в устном выступлении Б. Акунин отмечал, что базовыми положениями для английского характера являются «свобода – достоинство – честная игра», для французского варианта – «свобода – возвышенность духа – красота», японцам присущи «долг (гири) – искренность – «скрытая» красота», а для российского типа национального характера свойственны «правда – сострадание – широта». В целом, из последнего представления исходил и Ф. М. Достоевский, когда утверждал, что «да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое» [3, с. 187].

Ф. М. Достоевский применяет иное, чем российское славянофильство и западничество, измерение национального характера русского человека, его духовной и даже особой генетической сущности, причем, заметьте, что речь не идет о нищенском («арийском») «сверхчеловеке» или о Шопенгауровой «ненасытной» «воле к жизни», но об особом «всечеловеке», а, по сути своей, о русском, преодолевающем известный западный эгоцентризм, прагматизм и (или) утилитаризм, варианте *гуманизма*.

Собственно, в таком ракурсе проблемы стоит понимать содержание, смысл и ценность понятия «Родина» и для русских, и для иных народов. Тем более, что источником последнего выступает греко-римское политико-правовое сознание: у кочевников понятие «Родина» как таковое отсутствовало либо оно сводилось к социальному пространству временно поставленного ими жилища (юрты и др.), в римской же цивилизации «Родина» – это мир римского гражданства, римского права,

римской власти, причем исходящий из прочной ментальной «картинки» Рима как «вечного города». Ясно, что государственные институты только тогда смогут заслужить доверия со стороны россиян (по крайней мере, большинства из них), когда они не будут препятствовать проявлениям сущностных основ национальных характеров, управляемых ими или находящихся в поле их функционирования народов.

В современном научном гуманитарном дискурсе вопросы национального характера ставятся и решаются в ряде дисциплин. В частности, весьма интересные наработки в этой предметной области можно увидеть в этнологической акмеологии, ряд положений и выводов которой используется, например, в юридической антропологии и этнологии, политической антропологии и социологии политики, таком направлении политологического знания, как элитология, и т. п.

Например, В. П. Бранский для понимания специфики национального характера уже оперирует научными концептами – «этнический стереотип поведения», «этническое самосознание», «социальный идеал», «конформизм» и «трансформизм», вторгаясь в область не только сокрытых, но и устойчивых начал национального бытия. «Главная трудность в анализе стереотипа поведения заключается в том, что он имеет очень тонкую и сложную структуру. Основу стереотипа поведения составляет стереотип бытового поведения... Нетрудно заметить, что список важнейших нормативов стереотипа бытового поведения таков, что посторонний наблюдатель получает полную возможность заглянуть, как в замочную скважину, в самые интимные уголки жизни этноса... однако, когда мы говорим о «русском стереотипе», речь идет не о всеобщих, а только типичных качествах, то есть характерных не для каждого представителя народа, а для большинства народа. Это отнюдь не исключает существования среди такого народа разного рода индивидуальных отклонений, не укладывающихся в рамки стандартной этнической схемы» [4, с. 26].

В общем, когда тема «национального характера» перемещается в научную плоскость его понимания, то здесь возникает уже проблематика «национального менталитета» вообще либо разных его модификаций (правовой, политической, экономического и др.) [5; 6]. Здесь, очевидно, уходит на задний план некоторая «художественность» и «образность», присутствующая при оперировании категорией «национальный характер», однако вместе с ними минимизируется и, во многом, интуитивный характер его восприятия, происходит «методологизация» (т.е. «онаучивание») этого феномена национальной (политической, правовой или экономической) жизни, что, собственно, и позволяет строить разного рода модели, проводить концептуализации, выявлять и исследовать разного рода социальные тренды, факторы, перспективы и т.п. [7; 8]. Не вдаваясь глубоко в вопросы генезиса и развития категории «менталитет» (это предмет отдельных специальных исследований), обратим внимание на то, что античные авторы, например Геродот и Фукидид, создавая исторические нарративы, указывали, что каждый народ все же имеет спе-

цифические черты, отличающие его от других народов (славянофилы, например, на этом основании выделяли весьма и весьма специфические черты славянского этноса, сложившиеся еще в древности, проявляющиеся в организации власти в своих общинах, в отношениях между вождями и общинниками, между общинниками и жреческой властью и т.п.).

Однако собственно научный дискурс по отношению к национальному менталитету начинает формироваться значительно позже, а именно только к середине XIX в., когда возникает школа «психологии народов» (Лацарус, Штейнталь и др.), в рамках которой, правда, преобладает философско-филологическое направление изучения ментальностей разных народов, их устойчивых «умонастрений» (создателями школы одними из первых обосновывают положение о «языке как важнейшем индикаторе культуры народа»). Несколько позже В. Вундт в работах «Лекции о душе человека и животных» и в «Психологии народов» придал последней более реалистический вид и даже предложил целую программу эмпирических исследований языка, мифов, обычаев, т. е. сделал заявку на создание социологии обыденного сознания [9].

Сам же термин «менталитет», по мнению многих современных исследователей, впервые в научный оборот был введен американским философом Р. Эмерсоном в 1856 г., однако понятийно-содержательное наполнение этой категории продолжается и в настоящее время, но, чаще всего, работа в этом направлении ведется по отраслям научного знания (политология, правоведение, антропология, этнология, социология и др.).

В первой половине XX в. и позже большинство исследователей уже сходилось на том, что понятие «менталитет» означает «нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т. е. глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций» [10, с. 23].

Для научного дискурса первой четверти XXI в. обращение к ментальности вообще, скорее всего, эвристически малопродуктивно, напротив, введение в исследовательское поле таких категорий, как «политический менталитет», «правовой менталитет», «профессиональный менталитет» и др., приводит к интересным, а иногда и неожиданным результатам, тем более, когда это оказывается важным при очевидной эскалации рисков, возрастании политической и военной конфликтогенности, нарастании угроз гражданской или мировой войны и т.п.

В этом плане заметим, что для понимания генезиса, эволюции, истории властных отношений, их содержания, системы, культур-цивилизационных опор и «скреп», обращение к такому устойчивому и в полной мере органичному конкретному этносу или нации элементу, каковым и является менталитет, оказывается более чем продуктивно, так как позволяет уйти от формационных «перего-

родок», а значит и от увлеченности государственным «идеологическим» дискурсом (рассмотрение социально-властного пространства в контексте противоречащих друг другу идеологических систем, например «буржуазных» и «социалистических»).

Для осмысления же «доверия» населения государственным институтам, органам, отдельным политическим лидерам, понимания его природы и основ в рамках модели политико-правовой рискогенности ментальное измерение проблемы позволяет включать в исследование собственно этнонациональные духовные и поведенческие элементы без какого-либо ситуационного «напластования», т.е. стремиться к «чистоте» изучения.

Авторитет власти и доверие населения к её институтам: анатомия проблемы

Изучение феномена (даже особого института) доверия граждан своему государству, точнее, конечно, его важнейшим органам, структурам, представителям властных элит (партийных, беспартийных), предполагает выявление ментально обусловленных, т.е. архетипических по своей сути элементов, являющихся, с одной стороны, компонентами механизма обеспечения доверия как основы легитимности, источника разных ее форм и способов, а с другой – индикаторами доверия, которые могут служить, разумеется, и критериями его оценки, причем как в «цифровую», так и в «доцифровую» эпохи (хотя ряд отличий в последнее десятилетие все же начинает проявляться).

Прежде чем погрузиться в «анатомию» доверия властным институтам и выделить ряд ментальных его опор, обратим внимание, что, например, следуя методу М. Фуко, а именно «двигаясь от публичных дискурсов-знаний к скрытым (которые и необходимо реконструировать) дискурсам-практикам и от них к таким социальным явлениям, факторам, которые и позволяют понять, как государственная власть формируется, существует, трансформируется и функционирует», можно увидеть, в частности, что властные государственные структуры нередко сосуществуют параллельно с иными, так называемыми «теневыми» структурами, являющимися своего рода «конкурентами» в плане доверительного отношения к ним со стороны большинства населения страны. Причем в ходе известного реформаторского «сумбура» такая ситуация в публичном порядке признается со стороны официальных структур [11].

В одном из ежегодных посланий Федеральному Собранию РФ Президент России прямо заявил: «Мы практически стоим у опасного рубежа, когда судья или иной правоприменитель может по собственному усмотрению выбирать норму, которая кажется ему наиболее приемлемой», более того, в стране вообще «формируется и своего рода «теневая юстиция»... граждане, потерявшие надежду добиться справедливости в суде, ищут другие, далеко не правовые «ходы» и «выходы» и

подчас убеждаются, что незаконным путем имеют шанс добиться, по сути, часто справедливого решения» [12].

Можно с уверенностью сказать, что при такой ситуации вряд ли достижимо стремление повысить «градус» доверия большинства населения России к государственным институтам, ибо доверительный (легитимационный) компонент властных отношений в рамках *прагматически-рационального* дискурса, привнесенного, кстати, в отечественное духовное пространство процессами либерализации, а точнее – «вестернизации» как формы национальной политико-правовой модернизации российской государственности образца 90-х гг. XX в., всегда ориентирован на признание безусловной ценности результата, получаемого гражданином в ходе обращения во властные структуры.

Однако, начиная с 2000 г., намечается и в настоящее время уже в полной мере ощущается «дискурсивный поворот» в области доверия российского народа к власти. Такая ситуация во многом связана с рискогенной политической обстановкой, а также изменением властных практик за последние два десятилетия:

1. «Многоукладность» бытия государственной власти в России ушла, уступив место состоянию «моносубъектности», которое (при известных оговорках и признании разных исторических политико-правовых моделей последней) все органичнее соответствует содержанию отечественной ментальности, хотя «моносубъектность» здесь все же не стоит отождествлять с чьей-либо персональной властью (Президента или Генерального секретаря, председателя Совнаркома), так как это только одна из ее форм, но возможны и другие, предстающие в виде «консолидированного субъекта» (например, власть партийных институтов и органов, власть «семибанкирщины» или «Семьи» в 1990-х гг. постсоветской России и др.);

2. Начиная с 2000 г. идет возрождение как на институциональном, так и на ментальном уровне «авторитетно-харизматического» дискурса доверия к власти, «всплывают» ранее имевшие место ценности и стереотипы, массовые духовные «опоры» Первого номера. Возникает, казалось бы, утраченный в России феномен «национального лидера», фигура которого (как показала ситуация 2008–2012 гг.) уже не совпадает с легальным, законно избранным главой государства. Здесь авторитет «национального лидера» обеспечивает доверие большинства населения к государственным институтам, которое, в свою очередь, становится источником устойчивости последних даже при резкой эскалации совокупности социальных «рисков» после 2014 г. Прагматически-рациональная версия доверия населения по отношению к власти, конечно, сохраняется, но уже уходит на второй план.

«Анатомия» же пространство «доверия» к государственным институтам, включенное в ментальное поле конкретного этноса, получим ряд важных «измерительно-оценочных» (критериальных), по своей сути, параметров:

- «*дистанция власти*» (специфика традиционного диалога между властью и обществом, проявляющаяся в своем явном виде в наличии некоего «порога» чувствительности «несправедливости» властных решений и действий, условно, конечно, он может быть «низкий», «средний» и «высокий»);

- «*боязнь неизвестности*» [13] (она свойственна конкретному социуму, рациональный «слой» в рамках этого компонента «пересекается» с иррациональной, практически невербализованной, но ощущаемой в массовом и индивидуальном масштабе «эмоциональной», подсознательной по своей сути компонентой, связанной с «тревожным» или, наоборот, «мажорно» окрашенным ожиданием будущих событий. Например, модель «света в конце тоннеля» в течение нескольких десятилетий определяла доверие населения СССР к сталинским государственным институтам, была в основе советской идеологии 20–30 гг. XX в. и позже);

- *индивидуалистические* и *коллективистские* начала в организации и функционировании власти в национальном мире (доминирование индивидуалистических начал в западных либеральных демократиях, когда именно индивид включен в систему властных отношений, причем и как их первичный субъект, и как объект управления и властных манипуляций; гражданское общество здесь – это только способ реализации и охраны индивидуальных интересов. Напротив, в государствах с преобладанием общинно-коллективистских или «соборных» начал господствующим является представление о том, что государство в первую очередь не должно «обмануть» коллективное доверие, ожидания тесно связанного с ним социума. Однако интересы государства включают в себя и коллективные, и индивидуальные интересы, они оказываются «растворены» в «плотной» публично-властной среде, а кризис последней суть неминуемый крах всего общинного (корпоративного) и личного);

- *долгосрочная* или *краткосрочная* ориентация (перспектива) в политической жизни страны (разного рода кросс-культурные исследования, проводившиеся в последние 20 лет, преимущественно в западном социально-гуманитарном познании, показали, что нации с преобладанием восточного типа ментальности склонны к так называемому «гиперперспективному» планированию, особенно в семейно-бытовой, религиозной, несколько в меньшей мере – в политико-правовой сфере, что, в общем, служит одним из показателей доверия к государственным властным институтам, признание устойчивости, стабильности их функционирования, общей стратегии развития. Нации, принадлежащие к западному ментальному миру, напротив, проявляют тревогу за свое будущее, они склонны к краткосрочным планам, поскольку иное просто невозможно в этой рискогенной и конфликтогенной среде.

Здесь уровень доверия к властным органам, конечно, ниже, однако именно первые рассматриваются населением в качестве более или менее надежного источника преодоления возможных кризисов, а то и катастроф. В таком контексте дове-

рие к власти все же сохраняется, но получает иную смысловую, аксиологическую и функциональную «транскрипцию» [14].

Интересно преломить эти параметры ментального моделирования доверия населения к властным институтам сквозь призму процессов цифровизации властных отношений, выделить при этом некоторые специфические характеристики, тем более что, по мнению рады современных авторов, именно «цифровизация запустила процессы, в чем-то схожие с «неолитической революцией» (Г. Чайлд), которая привела к смене форм социальной и экономической организации (переход от кочевого образа жизни к оседлому, от присваивающей экономики к производящей, к появлению первых политических сообществ и т.д.» [15]. В рамках основных задач данной статьи категории «цифровизация» и «цифровой транзит» не будем различать, но конвенционально отождествим.

Итак, обратим внимание на то, что:

Во-первых, возникающие новые модели и инновационные формы властных отношений (виртуальное правительство, государственные сервисные платформы и т. п.) интенсифицируют передачу политико-правовой информации «сверху» до «низу». Темп, ритм формирования властной коммуникации уже далеко не тот, который имел место в «бесцифровом» властном поле. Поэтому как негативные, так и позитивные решения государственных структур предполагают их быстрое «усвоение» подвластными, «порог чувствительности» которых в итоге может и снижаться (возможны такие же быстрые поведенческие реакции населения на разного рода ужесточения или «смягчения» политической ситуации в стране), но может оставаться и на прежнем уровне (например, при «надежной работе» традиционно-харизматической формы легитимации), обозначая, конечно же, ряд проблемных (особенно для научного обсуждения и понимания специфики существующего курса) моментов, включающих идеологическую природу власти, вектора ее воздействия, но самое главное – общую стратегию национального государственно-правового развития (например, чего стоят прогнозы по «воссозданию» СССР и т. п.).

Во-вторых, новые акторы и актанты, включенные в систему властных отношений [16] (онлайн сообщества, автоматизированные цифровые алгоритмы, алгоритмические экспертные системы и др.), безусловно, оказывают влияние на содержание и, самое главное, точность политических, а также связанных с ними правовых, социально-экономических прогнозов. Очевидно, что они способны (либо неспособны) повлиять на конкретного (ментально определенного) члена социума, а также повлиять на степень удаленности (уровень «перспективности») «жизненных ориентаций» большинства населения. Авторитет этих новых актантов политического действия, вне всяких сомнений, растет, хотя «прочной» основой для укрепления доверия общества к государственным институтам он все же станет (примерно) через несколько поколений.

В-третьих, формы и проявления политического и правового сознания в условиях цифрового транзита также изменяются, «натываясь» при этом на присущую им исторически ментальную укорененность, а «цифровые» методы манипуляции ими, точнее их эффективность, проверяются в национально-ментальном поле, в частности с позиции их применимости в отношении трансформации ценностей, норм и отношений, присутствующих в системе властной коммуникации.

Список источников

1. Правокультурные основы исследования государственной власти: теоретико-методологические, историко-правовые и ценностно-нормативные аспекты: монография. М.: Юрлитфинформ, 2014. 477 с.
2. Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: монография / науч. ред. П. П. Баранов; Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 285 с.
3. Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. 505 с.
4. Бранский В. П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии. СПб., 2000. 108 с.
5. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007. 448 с.
6. Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020. 461 с.
7. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 184 с.
8. Мамычев, А. Ю. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики: монография / А. Ю. Мамычев, А. Ю. Мордовцев, А. И. Овчинников; М-во образования и науки Российской Федерации, Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. 210 с.
9. Вундт В. Элементы психологии истории. Основные черты психологической истории развития человечества. СПб., 1913. 544 с.
10. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). М., 1994. 375 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 383 с.
12. Не будет ни революции, ни контрреволюции // Российская газета. 2001. 4 апр. С. 3.
13. Cyert R. M., March J. G. A Behavioural theory of the firm. New Jersey: Englewood Cliffs, 1963. 272 p.
14. Hoppe M. H. A Comparative study of country elites. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of North Carolina at Chapel Hill, 1990. URL: <https://scholar.google.com>.

15. Урри Дж. Как выглядит будущее. М., 2018. 315 с.

16. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 1. С. 109–134.

References

1. Legal and cultural foundations for the study of state power: theoretical and methodological, historical, legal and value-normative aspects: monograph. Moscow: Yurlitinform Press, 2014. 477 p. (In Russ.).

2. Ovchinnikov A. I. Legal thinking in the hermeneutic paradigm: monograph Rostov on Don: Rostov Publishing House, 2002. 285 p. (In Russ.).

3. Russian idea: a collection of works by Russian thinkers. Moscow, 2002. 505 p. (In Russ.).

4. Bransky V. P. Social synergetics and theory of nations. Fundamentals of ethnological acmeology. St. Petersburg, 2000. 108 p. (In Russ.).

5. Mordovtsev A. Yu., Popov V. V. Russian legal mentality. Rostov on Don, 2007. 448 p. (In Russ.).

6. Rakityansky N.M. Mental studies of global political worlds. Moscow, 2020. 461 p. (In Russ.).

7. Socio-cultural (archetypal and mental) foundations of the public-power organization of society: monograph. Moscow: RIOR: INFRA-M Press, 2017. 184 p. (In Russ.).

8. Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu., Ovchinnikov A. I. National-cultural foundations of Russian statehood and legal policy: monograph. Vladivostok: Publishing House of VGUES, 2015. 210 p. (In Russ.).

9. Wundt V. Elements of the psychology of history. The main features of the psychological history of the development of mankind. St. Petersburg, 1913. 544 p. (In Russ.).

10. Kondakov I. V. Introduction to the history of Russian culture (theoretical essay). Moscow, 1994. 375 p. (In Russ.).

11. Foucault M. Supervise and punish. The birth of the prison Moscow: Ad Marginem Press, 2019. 383 p. (In Russ.).

12. There will be neither revolution nor counter-revolution. *Rossiyskaya Gazeta*, 2001, April 4, pp. 3. (In Russ.).

13. Cyert R. M., March J. G. A Behavioral theory of the firm. New Jersey: Englewood Cliffs, 1963. 272 p.

14. Hoppe M. H. A Comparative study of country elites. Unpublished Ph.D. Dissertation. University of North Carolina at Chapel Hill, 1990. URL: <https://scholar.google.com>.

15. Urri J. What the future looks like. М., 2018. 315 p. (In Russ.).

16. Kochetkov A. P., Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu. “Digital transit” of public-power relations: general and elite characteristics. *Pacific RIM = Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, parvo*, 2022, no. 1, pp. 109–134. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Мамычев – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета.

А. Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор; профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Т. В. Мордовцева – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики.

Information about the authors

A. Y. Mamychev – Doctor of Political Studies, Candidate of Law, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Federal University.

A. Y. Mordovtsev – Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor; Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice; Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law of the Vladivostok State University of Economics and Service.

T. V. Mordovtseva – Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of Humanities, Taganrog Institute of Management and Economics.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 11.02.2023; принята к публикации 11.02.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 11.02.2023; accepted for publication 11.02.2023.